

ЭЙРИ (AIREY) против ИРЛАНДИИ

Судебное решение от 9 октября 1979 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

В июне 1972 г. муж г-жи Эйри — ирландской гражданки 1933 г. рождения — который ранее был осужден за нанесение ей побоев, оставил супружеский кров в Корке. Жить туда он не вернулся.

В Ирландии в то время расторжение брака путем развода было невозможно. Однако супруги могли заключить соглашение о раздельном проживании. Сделав несколько безуспешных попыток заключить такое соглашение с мужем, г-жа Эйри попыталась, начиная с 1972 г., добиться судебного постановления о раздельном проживании, которое выносится Высоким Судом. Она консультировалась у юристов, но не смогла найти никого, кто бы согласился действовать по ее поручению. Бесплатная судебная помощь по делам такого рода не предоставляется, а у г-жи Эйри не было достаточно средств, чтобы самой оплатить стоимость судебного процесса.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В своей жалобе в Комиссию от 14 июня 1973 г. г-жа Эйри утверждала, что подвергалась жестокому обращению со стороны мужа, а Государство ранее не защитило ее, и теперь, когда семья окончательно распалась лишило ее возможности получить судебное решение о раздельном проживании. Нарушена статья 6 п. 1 Конвенции, поскольку она лишена права доступа в суд из-за дороговизны процесса, а также в том, что отсутствует судебная процедура, гарантирующая права и обязанности в сфере семейных отношений. Заявительница считала также, что подверглась дискриминации (статья 14), поскольку оказалась лишена судебной защиты, которой могут пользоваться состоятельные люди.

Жалоба была признана частично приемлемой 1 июля 1977 г.

В своем докладе от 9 марта 1978 г. Комиссия выразила мнение:

— единогласно, что неспособность государства обеспечить заявителю реальную возможность доступа в суд, чтобы получить судебное решение о раздельном проживании супругов, равносильна нарушению статьи 6 п. 1 Конвенции;

— что нет необходимости, учитывая это заключение, рассматривать жалобы по статьям 13 и 14 (единогласно) или статьи 8 (двенадцатью голосами против одного при одном воздержавшемся).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предварительные вопросы

16. Правительство утверждало, что жалоба г-жи Эйри неприемлема на том основании, что, во-первых, она явно необоснованна, а во-вторых, не исчерпаны все внутренние средства защиты.

По мнению Комиссии, Суд компетентен высказываться по всем возникающим в процессе вопросам факта и права, но он не может тем не менее вынести решение о том, что Комиссия ошибочно признала жалобу приемлемой. Как заявил в ходе слушания ее главный представитель, вопрос о приемлемости может оказаться в поле зрения Суда при рассмотрении дела по существу, но Суд не может выступить как апелляционная инстанция.

17. Суд опирается в этой связи на два принципа. Согласно первому, решения Комиссии о приемлемости обжалованию не подлежат; согласно второму после передачи дела в Суд он, обладая широкой компетенцией, может решать и вопросы приемлемости, ранее стоявшие перед Комиссией (см. *inter alia* решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 17, п. 32). Сочетание этих принципов показывает, что, рассматривая такие вопросы, Суд действует не как апелляционная инстанция, а просто проверяет выполнение условий, позволяющих рассматривать дело по существу.

18. Когда Правительство утверждает, что жалоба лишена каких-либо оснований и тем самым по существу бессодержательна, то такое предварительное возражение должно быть рассмотрено Комиссией в первую очередь (статья 27 п. 2 Конвенции). После того, как это предварительное возражение отклонено, Комиссия, изучив дело по существу, должна ответить на вопрос, было нарушение или нет (статья 31 Конвенции). Различие двух выводов — отсутствие основания жалобы и отсутствие нарушения не представляют интереса для Суда в том смысле, что в обоих случаях ему надлежит вынести окончательное решение.

Иное дело вопрос об исчерпании внутренних средств защиты. Воплощенное в статье 26 правило “освобождает государства от ответственности за свои действия перед международными органами, пока у них имеется возможность исправить положение в рамках собственной правовой системы” (см. решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. Серия А, т. 12, с. 29, п. 50). Это правило, определяющее момент, после которого может наступить ответственность государств по Конвенции, поднимает вопросы, отличные от тех, о которых говорилось в предыдущем абзаце.

Соответственно, Суд не обязан выносить решение по первому из предварительных возражений Правительства, но должен сделать это по второму; тем более что оно выдвигалось Правительством перед Комиссией, причем своевременно (см. вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, с. 30, п. 54).

19. Правительство настаивает, что заявитель не исчерпала внутренних средств защиты по различным направлениям.

(а) Во-первых, она могла заключить соглашение со своим мужем о раздельном проживании или потребовать на основании Закона 1976 г. “запретительный приказ” или алименты (см. п. 10 и 12 выше).

Суд подчеркивает, что статья 26 Конвенции требует исчерпания только тех средств защиты, которые связаны с нарушением, явившимся предметом жалобы. Нарушение, на котором настаивает г-жа Эйри, состоит в том, что в ее случае государство не сумело обеспечить доступ в суд для решения вопроса о раздельном проживании. Однако ни мирное соглашение супругов, ни выдача запретительного приказа, ни установление алиментов на содержание такого доступа не предоставляют. Соответственно, Суд не может принять эту часть возражения.

(b) Во-вторых, Правительство придает особое значение тому обстоятельству, что заявитель могла предстать перед Высоким Судом без помощи адвоката. Оно также утверждало, что от судебного решения о раздельном проживании она бы ничего не приобрела.

Суд напоминает, что международное право, на которое делается специальная ссылка в статье 26, требует единственно обращения к таким средствам правовой защиты, которые одновременно “доступны заинтересованным лицам и... адекватны, то есть способны исправить положение, ставшее предметом жалобы” (см. вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, с. 33, п. 60). Однако Суд не мог бы оценить, равнозначна ли возможность г-жи Эйри вести свое дело самой “внутреннему средству правовой защиты”, не решив одновременно ее жалобу на основании статьи 6 п. 1 о предполагаемом отсутствии реального доступа в Высокий Суд. Довод о том, что решение о раздельном проживании супругов ничего бы не дало заявителю, тесно связан с другим аспектом ее жалобы, а именно, был ли причинен какой-либо реальный ущерб. К этому доводу Правительства Суд обратится позже при рассмотрении жалобы по существу.

II. О статье 6 п. 1, взятой отдельно

20. Статья 6 п. 1 гласит:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”.

Г-жа Эйри ссылается на решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г., где Суд истолковал этот пункт таким образом, что он включает право доступа к правосудию для определения гражданских прав и обязанностей; она утверждает, что недоступная стоимость процесса препятствовала ее обращению в Высокий Суд за решением о раздельном проживании супругов, что является нарушением вышеупомянутого положения.

С этим утверждением единогласно согласилась Комиссия, однако оно оспаривается Правительством.

21. Заявитель хочет получить решение о раздельном проживании супругов. Безусловно, исход такого судебного разбирательства имеет “решающее значение для определения гражданских прав и обязанностей”, которые

a fortiori относятся к “гражданским правам и обязанностям” в смысле статьи 6 п. 1; поэтому она применима к настоящему случаю (см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 30 и 32, п. 90 и 95). Кроме того, этот вопрос в суде не оспаривался.

22. “Статья 6 п. 1 гарантирует каждому человеку право на рассмотрение судом любого требования, относящегося к его гражданским правам и обязанностям” (см. вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 18, п. 36). Соответственно, это распространяется на право доступа г-жи Эйри в Высокий Суд для решения вопроса о раздельном проживании супругов.

23. На данном этапе представляется уместным рассмотреть утверждение Правительства о том, что заявитель ничего не выигрывает от положительного решения этого вопроса (см. п. 19 (b) выше).

Суд отвергает такую линию рассуждений. Раздельное проживание супругов это средство, предусмотренное законодательством Ирландии, и каждому при соответствующих условиях должна быть предоставлена возможность воспользоваться им. Право выбора правового инструментария принадлежит заинтересованному лицу, и то обстоятельство, что выбор г-жи Эйри пришелся на такое правовое средство, которое меньше других подходит к ее конкретным обстоятельствам, не имеет никакого значения.

24. Правительство утверждает, что заявитель имела доступ в Высокий Суд, т. к. могла обратиться туда без помощи адвоката.

Суд не рассматривает такую возможность саму по себе как аргумент, решающий дело. Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а права, осуществимые на практике и эффективные (см. *mutatis mutandis* решение от 23 июля 1968 г. по бельгийскому делу о языках. Серия А, т. 6, с. 31, п. 3 *in fine* и 4; вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 18, п. 35 *in fine*; решение по делу Людике, Белкасема и Коца от 28 ноября 1978 г. Серия А, т. 29, с. 17—18, п. 42; и решение по делу Маркс от 13 июня 1979 г. Серия А, т. 31, с. 15, п. 31). В особенности это относится к праву доступа к правосудию в свете того значения, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство (см. *mutatis mutandis* решение по делу Делькура от 17 января 1970 г. Серия А, т. 11, с. 15, п. 25). Поэтому надлежит установить, будет ли обращение г-жи Эйри в Высокий Суд без помощи адвоката эффективным, сможет ли она правильно и убедительно представить свое дело.

Взгляды на эту проблему Правительства и Комиссии противоположны. Суду представляется очевидным, что заявитель оказалась бы в невыгодном положении, если бы ее мужа представлял адвокат, а ее нет. Кроме того, по мнению Суда, было бы нереалистично полагать, чтобы заявитель могла эффективно вести свое дело, даже с учетом помощи, которую, как подчеркивал представитель Правительства, судья оказывает сторонам, которые действуют лично.

В Ирландии решение о раздельном проживании супругов нельзя получить в окружном суде, где процедура относительно проста, а только в Высоком суде. Специалист в области семейного права Ирландии, г-н Алан Дж. Шаттер считает Высокий Суд наименее доступным в системе правосудия не только потому, что “плата за представительство в нем очень велика”, но также и в силу того, что “процедура обращения с исками очень сложна, в частности с исками о раздельном проживании супругов” (*Family Law in the Republic Ireland, Dublin, 1977, p. 21*).

Такой процесс помимо того, что он затрагивает деликатные вопросы права, требует доказательств супружеской измены, противоестественной практики интимных отношений или, как в настоящем случае, жестокости; для установления фактов приходится обращаться к экспертам, искать свидетелей, которые будут вызваны в суд и допрошены. Более того, споры между сторонами часто настолько эмоциональны, что мешают объективному рассмотрению дела.

По этим основаниям Суд считает совершенно нереальным, чтобы человек, находящийся в таком положении, как г-жа Эйри (см. п. 8 выше), мог эффективно вести свое собственное дело. Эта точка зрения подкрепляется ответами представителя Правительства на вопросы Суда, которые показывают, что заявитель был представлен адвокатом во всех без исключения 255 судебных процессах о раздельном проживании супругов за период с января 1972 г. по декабрь 1978 г. (см. п. 11 выше).

Суд делает вывод из вышесказанного, что возможность предстать перед Высоким Судом лично не дает заявителю эффективного права доступа, а потому не представляет собой внутреннего средства защиты нарушенного права, использование которого требует статья 26 (см. п. 19 (b) выше).

25. Правительство стремится провести различие между настоящим случаем и делом Голдера на том основании, что там заявитель был лишен доступа к правосудию в силу “объективного препятствия”, поставленного перед ним государством: министр внутренних дел запретил ему обращаться за консультацией к адвокату. Правительство утверждало, что, в противоположность этому, в данном деле нет “объективного препятствия”, исходящего от государства, и нет умышленных действий со стороны последнего, препятствующих доступу к правосудию; отсутствие доступа имело место якобы не благодаря властям, а единственно из личных обстоятельств г-жи Эйри, за что Ирландию нельзя считать ответственной.

Хотя различие между обстоятельствами этих двух дел отмечено, без сомнения, правильно, Суд не согласен с выводом, который делает из него Правительство. Во-первых, фактическое препятствие может нарушать Конвенцию точно так же, как и юридическое (см. вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 13, п. 26). Более того, выполнение обязательств по Конвенции требует временами совершения со стороны государства определенных позитивных действий; в подобных обстоятельствах государство не может просто оставаться пассивным и “заявитель был представлен адвокатом” не места различию между действием и упущением” (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутые решения по делу Маркс, с. 15, п. 31, и решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, т. 14, с. 10, п. 22). Обязанность обеспечить эффективность права доступа к правосудию подпадает под категорию таких обязательств.

26. Основной довод Правительства строится на несогласии с мнением Комиссии, полагающей, что и при гражданско-правовых спорах государство должно предоставлять бесплатную юридическую помощь. На самом деле, утверждает Правительство, Конвенция только один раз говорит о такой помощи — статья 6 п. 3 (с) — применительно к уголовному процессу и то с оговорками. Да и практика самой Комиссии не дает примеров признания права на бесплатную юридическую помощь при применении статьи 6 п. 1 Конвенции. Ирландия при ратификации Конвенции сделала намеренно оговорку относительно статьи 6 п. 3 (с) ограничив свои обязательства по правовой помощи по уголовным делам. Отсюда, однако, не следует *a fortiori* вывод о

том, что она тем самым молчаливо согласилась предоставлять неограниченную правовую помощь по гражданским делам. Конвенция не должна толковаться таким образом, чтобы подталкивать государства на пути экономического и социального прогресса. Он должен носить постепенный характер.

Суд сознает, что дальнейшее осуществление социально-экономических прав в значительной степени зависит от положения — особенно финансового, — в государствах, о которых идет речь. С другой стороны, Конвенция должна толковаться в свете сегодняшних условий (см. вышеупомянутое решение по делу Маркс, с. 19, п. 41), и она нацелена на реальную и практическую защиту человека в тех областях, где она действует (см. п. 24 выше). Хотя Конвенция говорит главным образом о гражданских и политических правах, многие из них в процессе реализации приобретают черты и ведут к последствиям социально-экономического характера. Поэтому Суд, как и Комиссия, считает, что то обстоятельство, что толкование Конвенции может затронуть и социально-экономическую сферу, не должно само по себе быть решающим аргументом против такого толкования; жесткой границы между этой сферой и содержанием Конвенции не существует.

Более того, Суд не разделяет точку зрения Правительства по поводу выводов Комиссии.

Оценку ситуации г-жи Эйри не получившей доступа в суд не следует распространять на все ситуации, предметом которых являются “гражданские права и обязанности”. В определенных обстоятельствах возможность предстать перед судом лично, но без помощи адвоката, будет отвечать требованиям статьи 6 п. 1; это не исключено даже в отношении доступа в Высокий Суд. На практике многое зависит от конкретных обстоятельств.

Гарантируя тяжущимся эффективное право доступа к правосудию при определении их “гражданских прав и обязанностей”, статья 6 п. 1 оставляет государству свободу выбора в использовании средств для этой цели. Система оказания юридической помощи, которая вводится сейчас в Ирландии для дел в сфере семейного права (см. п. 11 выше), составляет одно из таких средств, но имеются и другие, такие как, например, упрощение процедуры. В любом случае в функции Суда не входит рекомендовать, а тем более предписывать, какие меры следует принимать; все, что требует Конвенция, — это, чтобы лицо реально пользовалось своим правом доступа к правосудию на условиях, не противоречащих статье 6 п. 1 (см. *mutatis mutandis* решение по делу Национального профсоюза полиции Бельгии от 27 октября 1975 г. Серия А, т. 19, с. 18, п. 39 и вышеупомянутое решение по делу Маркс, с. 15, п. 31).

Вывод, сделанный в конце п. 24 выше, не подразумевает таким образом, что государство должно предоставить бесплатную правовую помощь при разрешении всех споров, относящихся к “гражданским правам”. Конвенция не дает оснований для такого широкого вывода.

Статья 6 п. 3 (с) относится только к уголовному процессу. Однако, несмотря на отсутствие подобного правила для споров по гражданским делам, статья 6 п. 1 может в некоторых случаях понуждать государство предоставлять помощь адвоката, когда она необходима для обеспечения реального доступа к правосудию либо по причине того, что по определенным категориям дел юридическое представительство является обязательным по внутреннему законодательству некоторых государств-участников, или в силу сложности процесса.

Оговорку Ирландии относительно статьи 6 п. 3 (с) нельзя толковать как относящуюся к обязательствам по статье 6 п. 1: соответственно, она не имеет отношения к делу.

27. Заявитель не смогла найти адвоката, который захотел бы представлять ее в суде. Комиссия сделала вывод, что причина этого — невозможность оплатить расходы, с этим связанные. Правительство выразило сомнение по поводу подобного вывода, но Суд находит его правдоподобным, ему не было представлено никаких опровергающих его доказательств.

28. Учитывая все обстоятельства дела, Суд находит что г-жа Эйри не имела реального права доступа в Высокий Суд для решения вопроса о раздельном проживании супругов. Соответственно, имело место нарушение статьи 6 п. 1.

III. О статье 14 в сочетании со статьей 6 п. 1

29. Поскольку решение о раздельном проживании супругов как средство защиты нарушенного права получить гораздо легче тем, у кого есть финансовые средства, чем тем, у кого их нет, заявитель считает себя жертвой дискриминации по “имущественному признаку” в нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 6 п. 1.

Комиссия придерживалась мнения, что в свете ее вывода по поводу статьи 6 п. 1 рассматривать заявление под углом зрения статьи 14 нет необходимости. Правительство ничего не заявило по этому поводу.

30. Статья 14 не действует самостоятельно, она представляет собой особый инструмент защиты (запрет дискриминации) каждого из прав, охраняемых Конвенцией (см. *inter alia* вышеупомянутое решение по делу Маркс, с. 15—16, п. 32). Статьи, воплощающие эти права, могут быть нарушены как таковые и/или в сочетании со статьей 14. Если Суд находит, что нарушение одной из статей Конвенции связано также с нарушением статьи 14, то он должен также рассмотреть дело в свете последней статьи, особенно если очевидное неравенство в связи с использованием права, являющегося предметом спора, представляет собой существенный аспект дела. Однако это не относится к нарушению статьи 6 п. 1, установленному в данном деле; соответственно Суд не считает необходимым рассматривать данное дело в свете статьи 14.

IV. О статье 8

31. Г-жа Эйри утверждает, что, не обеспечив доступной судебной процедуры по вопросам семейного права, Ирландия не проявила уважения к ее семейной жизни, нарушив тем самым статью 8, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

В своем докладе Комиссия выразила мнение, что в свете ее вывода о нарушении статьи 6 п. 1, нет необходимости рассматривать жалобу на предмет соблюдения статьи 8. Однако во время устных слушаний главный представитель утверждал, что была нарушена и эта статья. Данное утверждение оспаривалось Правительством.

32. Суд не считает, что можно говорить о “вмешательстве” Ирландии в частную или семейную жизнь г-жи Эйри, которая жалуется по существу не на действия государства, а на его бездействие. Однако, хотя основной задачей статьи 8 является защита индивида от произвольного вмешательства со стороны органов государственной власти, она не просто обязывает государство воздержаться от такого вмешательства: помимо этого негативного предписания из нее могут следовать и позитивные обязательства, неотъемлемые от реального уважения частной или семейной жизни (см. вышеупомянутое решение по делу Маркс, с. 15, п. 31).

33. Многие аспекты частной или семейной жизни в Ирландии регулируются законом. В том, что касается брака, он предписывает совместное проживание супругов, но в некоторых случаях возможно в судебном порядке установить раздельное проживание; это равносильно признанию того факта, что защита частной или семейной жизни может иногда требовать освобождения от обязанности совместного проживания.

Действительное уважение частной или семейной жизни обязывает Ирландию создать средства правовой защиты по-настоящему доступные каждому, кто пожелает прибегнуть к ним. Однако заявитель таковых не имела; не имея возможности обратиться в Высокий Суд (см. п. 20—28), г-жа Эйри оказалась не в состоянии получить юридическое подтверждение факта раздельного проживания и тем самым стала жертвой нарушения статьи 8.

V. О статье 13

34. Утверждая, что она была лишена эффективных средств правовой защиты от обжалуемых нарушений путем обращения в государственный орган, г-жа Эйри ссылается на статью 13, которая гласит:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

Комиссия выразила мнение, что в свете ее вывода о нарушении статьи 6 п. 1 рассматривать жалобу в свете статьи 13 нет необходимости. Правительство никаких заявлений по данному вопросу не делало.

35. Г-жа Эйри хотела осуществить свое право на раздельное проживание супругов, предусмотренное законодательством Ирландии. Суд уже указал, что эта ситуация подпадает под “гражданские права” в смысле статьи 6 п. 1 (см. п. 21 выше), и считает, что статья 8 обязывает Ирландию предоставить в распоряжение г-же Эйри реальную возможность осуществить в судебном порядке свое право на личную жизнь (см. п. 33 выше). Так как статьи 13 и 6 п. 1 в данном конкретном деле дополняют друг друга, Суд не видит необходимости определять, соблюдены или нет требования первой статьи: они менее жесткие и полностью поглощаются требованиями последней статьи (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версин против Бельгии* от 18 июня 1971 г. с. 46 п. 95).

VI. О статье 50

36. Во время слушаний адвокат заявителя информировала Суд, что если будет признано нарушение Конвенции, ее клиент хотела бы получить справедливое возмещение в соответствии со статьей 50 по трем пунктам: реальный доступ к средствам правовой защиты при крушении брака; денежная компенсация за боль, страдания и душевные переживания; денежная компенсация за понесенные расходы, главным образом расходы на оплату адвокатов и другие траты специального характера. Величина компенсации по последним двум пунктам не была определена.

Правительство не высказало своих замечаний по вопросу о применении статьи 50.

37. Соответственно, хотя указанный вопрос и был поставлен на основании п. 47 bis Регламента Суда, он еще не готов для решения. Таким образом, Суд обязан отложить решение этого вопроса и определить дальнейшую процедуру, принимая во внимание возможность соглашения между государством-ответчиком и заявителем (статья 50 п. 3 и 5 Регламента).

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

I. О предварительных возражениях Правительства

1. *Отверг* единогласно возражение Правительства о явной необоснованности жалобы;

2. *Отверг* шестью голосами против одного первую часть возражения Правительства о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны (п. 19 (а));

3. *Присоединил* единогласно к рассмотрению по существу, вторую часть возражения (п. 19 (b)), но шестью голосами против одного отверг его после рассмотрения по существу;

II. О существе дела

4. *Постановил* пятью голосами против двух, что была нарушена статья 6 п. 1 Конвенции, взятая в отдельности;

5. *Постановил* четырьмя голосами против трех, что нет необходимости рассматривать дело в свете статьи 14 в сочетании со статьей 6 п. 1.

6. *Постановил* четырьмя голосами против трех, что была нарушена статья 8;

7. *Постановил* четырьмя голосами против трех, что нет необходимости рассматривать дело в свете статьи 13;

8. *Постановил* единогласно, что вопрос о применении статьи 50 еще не готов для решения;

соответственно,

(а) *откладывает* решение данного вопроса целиком;

(b) *приглашает* Комиссию представить Суду в течение двух месяцев после получения настоящего решения замечания Комиссии по данному вопросу, включая уведомление о мировом соглашении, которого могли бы достичь Правительство и заявитель;

(с) *откладывает* решение вопроса о дальнейшей процедуре.

Совершено на английском и французском языках, оба текста являются аутентичными, и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 9 октября 1979 г.

Марк-Андре Эйсен
Грефье

Жерар Виарда
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 50 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются особые мнения судей.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ О'ДОНОХЬЮ

Так как я не могу согласиться с основной тенденцией и главными выводами решения Суда, мне думается, я должен вначале изложить общую позицию, а затем вкратце рассмотреть решения Суда по затронутым статьям Конвенции.

А. Общие замечания

Никто не станет оспаривать, что Конвенция не предусматривает права на получение бесплатной правовой помощи по гражданским делам. Это следует из многочисленных судебных дел и цепочки событий, приведших к принятию Комитетом Министров в марте 1978 г. Резолюции (78)8, которая повлекла многочисленные дискуссии и исполненные сочувствия соображения о желательности разработки положений о помощи и консультациях в указанной области. Резолюция рекомендовала правительствам государств-членов принять меры, которые они “сочтут необходимыми с целью постепенного укоренения принципов, изложенных в приложении” к Резолюции. Эти принципы — бесплатная правовая помощь и консультации для малоимущих. Ссылка на постепенное внедрение этих принципов показывает учитываемое различие ситуации в государствах-участниках. До сведения Суда было доведено намерение Правительства-ответчика ввести до конца 1979 г. в законодательство нормы о предоставлении правовой помощи по семейным делам. Учитывая, что законодательство социально-реформаторского характера обычно задерживается, я не думаю, что в данной связи нельзя ставить в вину задержку с выполнением рекомендаций Комитета Министров.

Заявитель, зная, что Конвенция не предусматривает права на получение правовой помощи, тем не менее полагает, что ее право доступа в Высокий Суд было нарушено отсутствием такой правовой помощи. В поддержку этого утверждения цитируется решение Суда по делу Голдера. Однако нужно отметить, что там был позитивный запрет, препятствовавший Голдеру получить доступ к правосудию, а у г-жи Эйри никакого препятствия или запрета для обращения в Высокий Суд не было. Не говоря уже о праве и свободе любого лица, возбудить гражданское дело в любом суде Ирландии, без содействия или вмешательства представителей юридической профессии, нет никаких доказательств, что г-жа Эйри предприняла какое-либо усилие или попытку, формальную или неформальную, чтобы обратиться в Высокий

Суд или вступить в контакт с ним. В то же самое время документы, предъявленные г-жой Эйри показывают, что она свободно контактировала с Комиссией по правам человека и вела обширную переписку с церковными властями о возможности признания брака ничтожным.

В деле о “бродяжничестве” отсутствие суда, компетентного рассматривать жалобы в сфере действия статьи 5 п. 4 Конвенции, было объявлено нашим Судом нарушением Конвенции. В данном деле такого упущения нет. Насчитывающий более сотни лет иск в Высокий Суд о раздельном проживании находился в распоряжении г-жи Эйри. Древность этого средства и несовершенство его последствий даже при положительном решении, возможно, способствовали тому, что к нему прибегают все реже и реже. Однако есть и другое объяснение. Эту процедуру смешивают с иском о разводе *a mensa et thoro*, что ведет к путанице, т. к. раздельное проживание супругов отличается от развода в том виде, как он понимается обычно, т. е. разводом *a vinculis*. Гораздо удобнее добиваться раздельного проживания на основании соглашения сторон, а если желательна защита от угроз или физического насилия, то можно получить запретительный приказ в местном суде. Судебное решение о раздельном проживании не меняет семейного статуса сторон и не прекращает брак. В то же время я согласен, что выбор правовой процедуры, которой хочет следовать г-жа Эйри, остается за ней.

Очевидно уместно сослаться на факты и констатацию, сделанные в п. 14 доклада Комиссии, не установившей каких-либо обстоятельств, касающихся поведения Тимоти Эйри. Существует достаточно материалов, показывающих, что брак супругов Эйри распался. Понятно, что в описании адвоката жены Тимоти Эйри должен выглядеть пьяницей и дебоширом, перед которым его жена дрожит в постоянном страхе. Каковы же факты? Только один раз г-жа Эйри подала в суд на своего мужа, обвинив его в нападении. В январе 1972 г. мировой судья оштрафовал ответчика на 25 пенсов, но отказался выдать приказ относительно дальнейшего поведения ответчика. Эти действия судьи оправдали себя, поскольку с тех пор против Тимоти Эйри не было заявлено его женой никаких жалоб по поводу приставания, угроз или попыток проникновения в семейный дом. Более того, прежде чем он стал безработным в декабре 1978 г., муж платил ей назначенные судом алименты. Фактически в силу обстоятельств произошло полное расставание супругов. Меня поражает, что не было сделано даже попытки получить какое-либо заявление от Тимоти Эйри, помимо утверждения, что он отказался прийти в контору адвоката его жены, чтобы подписать соглашение о раздельном проживании. Вызывает сожаление, что Суд не счел уместным последовать сдержанности Комиссии, отказавшейся комментировать поведение г-на Эйри.

Другая причина, почему к получению статуса раздельного проживания через суд обращаются все меньше, состоит в том, что решение не расторгает брака. Было бы наивно полагать, что ирландцы могли прибегнуть к разводу *a vinculis* в период с 1857 по 1922 гг., когда страна находилась в составе Соединенного Королевства. Тогда окончательное решение принадлежало всемогущей Палате лордов; только она могла разорвать порочный круг. То обстоятельство, что обращения к этому средству за период с 1857 по 1922 гг. имели место лишь в двадцати случаях, показывает, что было бы большой натяжкой сказать, что это давало рядовым гражданам Ирландии юридическую возможность расторгнуть брак.

Порядок, установленный Конституцией Ирландии, не вызывает никаких сомнений. Для некоторых членов Суда жесткость позиции покажется несколько странной, но нужно понять, что на протяжении более ста лет право в Ирландии расставляло многочисленные препятствия на пути расторжения брака.

Европейский Суд всегда старался воздерживаться от рекомендаций или предложений каких-либо конституционных или законодательных изменений в праве государств-членов.

В способах прекращения брака в последнее время в праве государств-членов произошли изменения. Существует огромное количество законов, позволяющих расторгнуть брак, и вполне понятно, что выходцам из стран, где развод можно получить легко и быстро, бывает трудно полностью понять и оценить жесткую позицию Ирландии вследствие конституционного запрета развода. Но никто не утверждает, что Конвенция в какой-либо статье содержит указания по этому вопросу.

В. Частные замечания о судебном решении

Пункт 11

Из 255 исков судебные решения о раздельном проживании были вынесены только по 30, что подтверждает мою точку зрения, что эта архаическая процедура имеет ограниченную привлекательность для многочисленных участников семейных споров, и к ней прибегают главным образом там, где возникают вопросы о детях или разногласия по поводу нажитого в браке имущества. Суду не известно, согласился бы Тимоти Эйри или нет на раздельное проживание, и нам остается лишь судить об этом по его поведению после 1972 г., когда, выполняя судебный приказ об уплате алиментов, он фактически признал ситуацию раздельного проживания. Попытки полагаться на статистические выкладки в качестве надежного путеводителя во всех семейных спорах неизбежно приведут к разочарованию: эти споры настолько индивидуальны и разнообразны, что во многих случаях не поддаются компьютеризации.

Пункт 13

Нет подтверждения содержащемуся в жалобе утверждению, что Тимоти Эйри предполагалось подвергнуть лечению от алкоголизма, а то, что он до 1978 г. работал и на протяжении всего этого времени платил алименты, то эти факты должны были быть отмечены в любом решении Суда. Я не знаю, чтобы в какой-либо стране мира была разработана действенная или приносящая результаты процедура получения платежей от сбежавшего мужа без гроша в кармане.

Пункт 18

Насколько я понимаю, нарушение в деле о “бродяжничестве” состояло в том, что бельгийское государство не предусмотрело в своем законодательстве существование независимого суда, который бы рассматривал и выносил решения по жалобам на основании статьи 5 п. 4 Конвенции. Здесь

иная ситуация и такой суд, имеется в виду Высокий Суд, существует уже много лет. Поэтому дело о “бродяжничестве” не имеет отношения к данному случаю.

Пункт 19

По праву Ирландии, в отличие от некоторых других стран, лицо, не имеющее возможности обратиться к адвокату, может просить помощь от Высокого Суда и получить ее. Было бы особо уместно и полезно, если бы от Высокого Суда удалось получить сведения, уточняющие, были ли данные, сообщенные г-жой Эйри в Комиссию, достаточны Высокому Суду для решения вопроса о раздельном проживании супругов. В отсутствие каких-либо свидетельств по этому ключевому вопросу оправдано сомнение, и я не нахожу доказательств, требуемых для признания нарушения статьи 6.

Пункт 20

Различие между этим делом и судебным решением по делу Голдера мне представляется очевидным. Никаких запретов на г-жу Эйри не налагалось и препятствий перед ней не ставилось. То, что ей не была предоставлена правовая помощь, которая по гражданским делам Конвенцией не гарантируется, не может и не должно, с моей точки зрения, быть истолковано таким образом, чтобы привести к бездоказательному выводу о том, что Высокий Суд не стал бы рассматривать дело г-жи Эйри.

Пункт 24

Я согласен, что гарантируемые Конвенцией права должны быть практически осуществимы и эффективны. Проблема в данном деле была бы проста, а именно: есть ли доказательства жестокости? Настаивать, что в деле, в том виде как оно представлено, имеется нарушение статьи 6, означало бы отступление от принципа, который я рассматриваю как основополагающий, а именно: нарушения Конвенции должны быть доказаны позитивно, а не приняты бездоказательно, как вывод о том, что г-жа Эйри не была бы лично заслушана в Высоком Суде. Я хотел бы вновь сослаться на мои общие замечания по поводу уникальности семейного права в Ирландии и трудностях, с которыми сталкиваются те, кто не знаком с его историей и особенностями.

Пункт 25

Я должен отметить мое несогласие с выводом Суда по данному вопросу. Конечно, препятствие может нарушать Конвенцию, если только имеются доказательства такого препятствия. Здесь я должен еще раз подчеркнуть, что мы остаемся в области догадок и вероятностных заключений.

Пункт 26

Суд должен был признать, что доступ к Высокому Суду в свете статьи 6 не во всех случаях требует помощи или участия адвоката. Ходатайства о выдаче приказа *habeas corpus*, направляемые любому судье Высокого Суда,

часто исполнены самым неформальным образом и без всякой правовой помощи, они распространяются на любую форму задержания, которая может стать предметом жалобы, даже если оно связано с гражданским спором. Однако, несмотря на это признание, Суд, по-видимому, не желает видеть, что ситуация г-жи Эйри в данном деле сходна с той ситуацией, в которой она была, когда подавала жалобу на незаконное задержание ее и одного из ее детей.

Пункт 27

В деле нет материалов, показывающих, что у одного или нескольких юристов, с которыми консультировалась г-жа Эйри, были запрошены какие-либо сведения. И вновь это служит примером наличия в судебном решении суждений, строящихся на предположениях в отсутствие позитивных доказательств. Я никак не могу признать нарушения Конвенции там, где в основание вывода положены “вероятностные предположения”.

Пункт 28

По основаниям, изложенным в данном особом мнении, я не нахожу нарушения статьи 6 п. 1.

Пункты 29 и 30

Я не нахожу каких-либо доказательств дискриминации в соответствии со статьями 6 и 14.

Пункты 31–33

По вышеизложенным основаниям я не могу считать нарушение статьи 8 установленным.

Пункты 36 и 37

Вопрос о справедливом возмещении, в соответствии со статьей 50, должен, конечно, быть отложен.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА

В данном деле никем не оспаривается, что заявитель, г-жа Иоанна Эйри, не может себе позволить оплатить полную стоимость юридического представительства по ее иску в Высокий Суд Ирландии о раздельном проживании супругов. Она утверждает, что были нарушены статьи 6, 8, 13 и 14 Конвенции. Представлены юридические документы по поводу обстоятельств дела, однако в Суде представитель Правительства настаивал, что жалоба должна была быть объявлена Комиссией неприемлемой.

Позволю себе начать с постановки вопроса, обязано ли в соответствии с Конвенцией Правительство-ответчик предоставить заявителю судебную помощь и тем самым сделать для нее возможным просить Высокий Суд о режиме раздельного проживания супругов.

Никто не спорит, что у заявителя есть доступ в Высокий Суд в формальном смысле. Не существует правовой нормы, решения министра или должностного лица, которые не позволяли бы ей воспользоваться теми средствами защиты права, которые может ей предоставить Высокий Суд.

Трудности, которые, согласно заявителю, препятствуют ей воспользоваться правовыми средствами, формально открытыми для нее правом Ирландии, носят фактический характер. Трудности эти не относятся или в очень незначительной степени касаются платежей, которые ей пришлось бы сделать в казначейство Ирландии. Платежи главным образом касались бы оплаты юристов, которые представляли бы ее в Высоком Суде.

Имея это в виду, я без особых колебаний, но с сожалением, прихожу к выводу, что у заявителя нет оснований для обращения к статье 6 п. 1 Конвенции. Я не нахожу в ней нормы, обязывающей государства-участников предоставить бесплатную юридическую помощь по гражданским делам, что по сути дела является предметом спора. Способность или неспособность лица требовать осуществления его или ее прав, предусмотренных Конвенцией, может базироваться на нескольких основаниях, одним из которых будет его или ее финансовое положение. Конечно, вызывает сожаление, что дело обстоит именно так. Государства, ратифицировавшие Конвенцию принимали и продолжают принимать меры, направленные на экономическое и социальное развитие в нашей части планеты. Однако лежащие в основе Конвенции идеи, а также ее формулировки ясно показывают, что она занимается иными проблемами, нежели те, с которыми мы сталкиваемся по данному делу. Войну с бедностью нельзя выиграть путем широкого толкования Конвенции по защите прав и основных свобод человека. Там, где Конвенция считает финансовую способность воспользоваться предоставленным ею правом столь важной, что она должна рассматриваться как составная часть этого права, она так и заявляет. Это видно из статьи 6 п. 3. Когда это не так, Конвенция ничего не говорит о том, как, когда и какие финансовые средства должны быть предоставлены. Любое другое толкование Конвенции, по крайней мере на данной стадии развития института прав человека, приведет к появлению проблем, набор и сложность которых нельзя предугадать, но которые, без сомнения, окажутся вне сферы компетенции Конвенции и созданных ею учреждений.

Что касается предполагаемого нарушения статьи 8 Конвенции, совершенно ясно, что здесь вовлечены те же факты, что и в жалобе на основании статьи 6 п. 1. По моему мнению, только большая натяжка в толковании статьи 8 позволяет прийти к выводу, что обязанность уважать частную и семейную жизнь г-жи Эйри включает помощь в решении дела о раздельном проживании супругов Высоким Судом. В этой связи я считаю достаточным сослаться на то, что уже говорилось выше об отсутствии в Конвенции обязательства предоставлять финансовую помощь. Для меня это столь же весомо применительно к статье 8, как и в отношении статьи 6 п. 1.

Хотя я придерживаюсь мнения, что в данном деле не было ни нарушения статьи 6 п. 1, ни статьи 8, нельзя отрицать, что изложенные в деле факты находятся в сфере их действия. Таким образом, существует юридическая возможность найти нарушение одной или обеих вышеупомянутых статей, взятых в сочетании со статьей 14, которая гласит *inter alia*, что права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, должны быть обеспечены без какой-либо дискриминации на основании имущественного положения. Не существует каких-либо юридических препятствий, мешающих дос-

тупу заявителя в Высокий суд. Заявленные трудности носят фактический характер. Кроме того, они скорее касаются ее взаимоотношений с представителями юридической профессии, чем с Правительством Ирландии. В связи с этим, а также в силу доводов, приведенных выше, я не нахожу в данном деле нарушения статьи 14.

Заявитель, ссылаясь на статью 13 Конвенции, утверждала, что у нее не было “эффективных средств правовой защиты перед государственным органом”, когда она обратилась за защитой, предоставляемой на основании статьи 6 п. 1 и статей 8 и 14. Ни Правительство, ни Комиссия не затронули ни ранее, ни во время слушаний доводов, касающихся статьи 13. Из доклада Комиссии, по-видимому, следует, что заявитель утверждает будто нарушение состояло в том, что не было альтернативного средства правовой защиты, способного компенсировать отсутствие системы правовой помощи. Такой довод предполагает нарушение статей 6 п. 1, 8 и/или 14 и не имеет силы, если смотреть на него с моей точки зрения. Другой и, возможно, более существенный аргумент заключался бы в том, что, т. к. заявитель ссылаясь на нарушение своих прав, закрепленных в Конвенции, она вправе была рассчитывать на эффективное средство правовой защиты, чтобы проверить, имела ли она право на получение правовой помощи. Такой довод соответствовал бы линии, которой следовал Суд в своем решении по делу *Класс и другие*. Однако этот довод не получил развития в Суде, и нет доказательств, что заявитель не могла бы использовать обычные средства, предоставляемые всем гражданам, чтобы обратиться в Правительство или в суды без оплаты за пределами высоких издержек. По этим основаниям я не нахожу в данном деле нарушения статьи 13.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭВРИГЕНИСА

К моему глубокому сожалению, я не могу согласиться с большинством Суда по трем вопросам. Мое несогласие проистекает из следующих соображений:

1. Заявитель утверждает, что была нарушена статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 6 п. 1. Она жалуется, в частности, на то, что стала жертвой дискриминационного обращения по признаку имущественного положения: с учетом ее финансовой ситуации высокая стоимость судебного процесса о раздельном проживании супругов фактически блокировала ей доступ к правосудию.

Суд должен был рассмотреть эту жалобу. С одной стороны, следуя подходу судебного решения и воспринимая его формулировки (п. 30), не может быть сомнений в том, что, предъявляя указанное требование, заявитель жаловалась на “очевидное неравенство” в обращении, которое основывается на имущественном положении и является “фундаментальным аспектом” данного дела. С другой стороны, признание Судом факта нарушения статьи 6 п. 1, взятой отдельно, не освобождает его от рассмотрения дела под углом зрения также и статьи 14. Мне представляется, что в п. 30 решения Суд поступает правильно, когда, принимая во внимание статью 14, он проводит различие в зависимости от того, было или не было нарушений статей Конвенции. Дискриминация в пользовании правом, охраняемом Конвенцией, наталкивается на статью 14, которая определяет, связана эта дискриминация с

нарушением данного предусмотренного Конвенцией права или находится вне этой сферы. Слово “пользование” в смысле статьи 14, должно охватывать все ситуации, которые могут возникнуть между двумя крайностями — откровенным отказом в праве, охраняемом Конвенцией, и его реализацией в национальной системе права. По этим причинам я ответил утвердительно на вопрос, нужно ли решение о предполагаемом нарушении статьи 14 в сочетании со статьей 6 п. 1 (п. 5 резолютивной части судебного решения).

2. Я голосовал за то, что статья 8 не была нарушена (п. 31—33 судебного решения и п. 6 постановляющей части). Фактически я не увидел прямого или косвенного нарушения положений статьи. С моей точки зрения, представленные Суду факты свидетельствуют о нарушении, которое касается не материального права, а его процессуального аспекта, поэтому оно охватывается статьей 6 п. 1.

3. Суд должен был, на мой взгляд, приступить к рассмотрению требования, основанного на нарушении статьи 13 (п. 34—35 судебного решения и п. 7 резолютивной части). Разбирательство в суде, о котором говорится в статье 6 п. 1, касается гражданских прав, в данном случае права на раздельное проживание супругов в силу решения суда. С другой стороны, средство правовой защиты, упомянутое в статье 13, относится к основополагающим правам, охраняемым Конвенцией, в данном случае праву доступа к правосудию, как оно следует из статьи 6 п. 1. Соответственно, в отношении норм, содержащихся в этих двух статьях, взаимного наложения или поглощения нет.